

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Смех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146739

Аннотация

«В половине седьмого я был уверен, что она придет, и мне было отчаянно весело. Пальто мое было застегнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал; голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке; глаза мои по отношению к встречавшимся мужчинам выражали покровительство и удаль, по отношению к женщинам – вызов и ласку: хотя уже четыре дня я любил одну только ее, но я был так молод, и сердце мое было так богато, что остаться совершенно равнодушным к другим женщинам я не мог. И шаги мои были быстрые, смелые, порхающие...»

Содержание

I	4
II	6
III	9
IV	13

Леонид Андреев. Смех

Леонид Андреев

Смех

I

В половине седьмого я был уверен, что она придет, и мне было отчаянно весело. Пальто мое было застегнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал; голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке; глаза мои по отношению к встречавшимся мужчинам выражали покровительство и удадь, по отношению к женщинам – вызов и ласку: хотя уже четыре дня я любил одну только ее, но я был так молод, и сердце мое было так богато, что остаться совершенно равнодушным к другим женщинам я не мог. И шаги мои были быстрые, смелые, порхающие.

В без четверти семь пальто мое было застегнуто на две пуговицы, и я смотрел только на женщин, но без вызова и ласки, а скорее с отвращением. Мне нужна была только одна женщина – остальные могли провалиться к черту: они только мешали и своим мнимым

сходством с ней придавали моим движениям неуверенность и резкое непостоянство. И без пяти минут семь мне стало жарко.

В без двух минут семь мне сделалось холодно.

Ровно в семь я убедился, что она не придет.

В половине девятого я представлял собой самое жалкое существо в мире. Пальто было застегнуто на все пуговицы, воротник поднят, и фуражка нахлобучена на посиневший нос; волосы на висках, усы и ресницы белели от инея, и зубы слегка постукивали друг о друга. По шаркающей походке и согнутой спине меня можно было принять за довольно еще бодрого старика, возвращающегося из гостей в богадельню.

И все это сделала – она! О черт... нет, не надо: может быть, и не пустили, или она больна, или умерла. Умерла! – а я ругаюсь.

II

– Там сегодня и Евгения Николаевна, – сказал мне товарищ, студент, без всякой задней мысли: он не мог знать, что я ждал Евгению Николаевну на морозе от семи до половины девятого.

– Вот как!.. – глубокомысленно ответил я, а в душе выскочило: «О черт...»

Там – это на вечере у Полозовых. Полозовы – это люди, у которых я никогда не бывал. Но сегодня я там буду.

– Сеньоры! – весело крикнул я. – Сегодня Рождество; сегодня все веселятся – будем веселиться и мы.

– Но как? – грустно отозвался один.

– Но где? – поддержал другой.

– Нарядимся и будем ездить по всем вечерам, – решил я.

И им, этим бесчувственным людям, действительно стало весело. Они кричали, прыгали и пели. Они благодарили меня и считали количество наличных денег. А через полчаса мы собирали по городу всех одиноких, всех скучающих студентов, и, когда нас набралось десять весело прыгающих чертей, мы поехали в парикмахерскую, – она же костюмерная, – и наполнили ее холодом, молодостью и смехом.

Мне нужно было что-нибудь мрачное, красивое, с оттенком изящной грусти, и я попросил:

– Дайте мне костюм испанского дворянина.

Вероятно, очень это был длинный дворянин, потому что в его платье я скрылся весь без остатка и почувствовал себя уже совершенно одиноким, как в обширном и безлюдном зале. Выйдя из костюма, я попросил что-нибудь другое.

– Не хотите ли клоуна? Пестрый, с бубенчиками.

– Клоуна! – презрительно вскрикнул я.

– Ну бандита. Этакая шляпа и кинжал.

Кинжал! – это подходит к моим намерениям. К сожалению, бандит, с которого дали мне платье, едва ли достиг совершеннолетия. Вернее всего, это был испорченный мальчишка лет восьми от роду. Его шляпенка не покрывала моего затылка, а из бархатных брюк меня должны были вытащить, как из западни. Паж не годился – был весь в пятнах, как тигр. Монах был в дырах.

– Что же ты? Поздно! – торопили меня уже одевшиеся товарищи.

Оставался единственный костюм – знатного китайца.

– Давайте китайца! – махнул я рукой, и мне дали китайца. Это было черт знает что такое! Я не говорю уже о самом костюме. Я обхожу молчанием какие-то иди-

отские цветные сапоги, которые были мне малы, вошли наполовину и в остальной своей, наиболее существенной части торчали в виде двух непонятных при­датков по обеим сторонам ноги. Умолчу я и о розовом лоскуте, который покрывал мою голову в виде парика и привязывался нитками к ушам, отчего последние приподнялись и стали, как у летучей мыши.

Но маска!

Это была, если можно так выразиться, отвлеченная физиономия. У нее были нос, глаза и рот, и все это правильное, стоящее на своем месте, но в ней не было ничего человеческого. Человек даже в гробу не может быть так спокоен. Она не выражала ни грусти, ни веселья, ни изумления – она решительно ничего не выражала. Она смотрела на вас прямо и спокойно – и неудержимый хохот овладевал вами. Товарищи мои катались от смеху по диванам, бессильно падали на стулья и махали руками.

– Это будет самая оригинальная маска, – говорили они.

Я чуть не плакал, но, когда я взглянул в зеркало, смех овладел и мной. Да, это будет самая оригинальная маска.

– Ни в каком случае не снимать масок, – переговаривались товарищи дорогой. – Дадим слово.

– Слово! Слово!..

III

Положительно, это была самая оригинальная маска. За мной ходили целыми толпами, вертели меня, толкали, щипали – и когда измученный, я с гневом оборачивался к преследователям, – неудержимый хохот овладевал ими. Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья. Минутами оно захватывало и меня: я кричал, пел, плясал, и весь мир кружился в моих глазах, как пьяный. И как он был далек от меня, этот мир! И как одинок я был под этой маской!

Наконец меня оставили в покое. С гневом и страхом, со злобой и нежностью я взглянул на нее и сказал:

– Это я.

Густые ресницы медленно и с удивлением приподнялись, целый сноп черных лучей брызнул на меня – и смех, звонкий, веселый, яркий, как весеннее солнце, смех ответил мне.

– Да, это я. Это я! – твердил я и улыбался. – Почему вы не пришли сегодня?

Но она смеялась. Весело смеялась.

– Я так измучился. Так изболелось сердце, – с моль-

бой просил я ответа.

Но она смеялась. Черный блеск ее глаз потух, и все ярче разгоралась улыбка. Это было солнце, но солнце жгучее, беспощадное, жесткое.

– Что с вами?

– Это вы? – проговорила она, сдерживаясь. – Какой вы... смешной!

Плечи мои опустились, и голова поникла, и так много отчаяния было в моей позе. И пока она, с тухнущей зарей улыбки на лице, смотрела на мчащиеся мимо нас молодые веселые пары, я говорил:

– Стыдно смеяться. Разве за моей смешной маской вы не чувствуете живого страдающего лица – ведь только для того, чтобы увидеть вас, я надел ее. Зачем вы не пришли?

Быстро, с возражением на милых, улыбающихся устах, она обернулась ко мне – и жестокий смех все-сильно овладел ею. Задыхаясь, почти плача, закрывая лицо кружевным душистым платком, она с трудом вымолвила:

– Взгляните... на себя. Сзади в зеркало... О, какой вы!..

Сдвигая брови, стискивая от боли зубы, с похолодевшим лицом, от которого отлила кровь, я взглянул в зеркало, – на меня смотрела идиотски-спокойная, непоколебимо-равнодушная, нечеловечески

неподвижная физиономия. И я... я рассмеялся. И с неостывшим еще смехом, но уже с дрожью поднимающегося гнева, с безумием отчаяния, я заговорил, почти закричал:

– Вы не должны смеяться!

И, когда она затихла, я продолжал шепотом говорить о своей любви. И никогда я не говорил так хорошо, потому что никогда не любил так сильно. О муках ожидания, о ядовитых слезах безумной ревности и тоски, о своей душе, где все было любовь, я говорил. И я видел, как, опускаясь, бросили ресницы густую тень на побледневшие щеки.

Я видел, как сквозь их матовую белизну бросал красный отсвет запылавший огонь и как все гибкое тело безвольно клонилось ко мне. Она была одета богиней ночи и, вся загадочная, словно мглой, одетая черным кружевом, сверкающая бриллиантами звезд, была красива, как забытый сон далекого детства. Я говорил – и слезы накали у меня на глазах, и радостью билось сердце. И я увидел, увидел наконец, как милая, жалкая улыбка раскрыла ее уста, и, дрогнув, поднялись ресницы. Медленно, боязливо, с бесконечным доверием повернула она ко мне головку, и... Такого смеха я еще не слышал!

– Нет, нет, не могу... – почти стонала она и, закинув голову, снова раздражалась звучным каскадом смеха.

О, если бы мне хоть на минуту дали человеческое лицо! Я кусал губы, слезы текли по моему разгоряченному лицу, а она, эта идиотская физиономия, в которой все было правильно, нос, глаза и губы, смотрела с непоколебимо ужасным в своей нелепости равнодушием. И когда, ковыляя на своих цветных ногах, я уходил, до меня долго еще доносился звонкий смех: как будто с громадной высоты падала серебристая струйка воды и с веселым пением разбивалась о твердую скалу.

IV

Рассыпавшись по всей сонной улице, будя ночную тишину бодрыми, возбужденными голосами, мы шли домой, и товарищ мне говорил:

– Ты имел колоссальный успех. Я никогда не видал, чтобы так смеялись... Постой, что ты делаешь? Зачем ты рвешь маску? Братцы, он с ума сошел! Смотрите, он раздирает свой костюм! Он плачет!

Январь 1901 г.